

ЮЛИЯ ЕФИМОВА
ДО ВСТРЕЧИ
В СЛЕДУЮЩЕЙ
ЖИЗНИ



18+

ЛИРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Юлия Ефимова

До встречи в следующей жизни

<https://litres.ru/73905499>

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-532-92137-5

Аннотация

Лето, теплоход, девушка. Что еще нужно для счастья? Но Евгению Бабушка не до развлечений. Хорошо спланированные мероприятия по выявлению шпиона грозят полным провалом. Теплоход «Агата Кристи» словно живет своей жизнью, спутав планы гостям и, в частности, Женьке. К тому же разобраться в ситуации мешает тайна, что тянется уже столетия. Кортик Петра Великого, который так заботливо подарил Савва Морозов Марии Андреевой, женщине, покорившей его сердце навсегда, всплыл из недр истории и начал творить новую, кровавую летопись. Лето, теплоход, мужчина. «Это то, что важно в жизни», - решит Аврора и сама себе не поверит. Ведь она уже так много ошибалась. И именно ужас всего происходящего на круизе выходного дня подскажет девушке, что на самом деле это единственное, что действительно важно. Лето, теплоход и большая любовь, способная абсолютно на все.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Доча, ты индивид	12
Глава 2. Собака откладывается	26
Глава 3. Родители — наше все	39
Глава 4. Теплоход, солнце и майор	50
Глава 5. Всем шампанского	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Юлия Ефимова

До встречи в следующей жизни

Приветствую тебя, мой дорогой читатель.

*Эта книга рождена для отдыха, поэтому
устраивайся поудобнее и приготовься с головой
окунуться в приключения.*

*Знай одно: все, что написано в данной книге,
— художественный вымысел писателя, а всякие
совпадения случайны.*

*Посвящается большой любви, которая нет-нет,
да встречается на нашей планете под названием
Земля.*

*Моему мужу, любви всей моей жизни,
посвящается...*

Встретимся в следующей жизни, договорились?

Ты узнаешь меня обязательно, обещаешь?

В этой мы с тобой почему-то, увы, не случились,

Совершая большую ошибку, ты понимаешь?

Давай в Камергерском, где наши души вращались?

Я буду в чёрном, а ты, как всегда, на сцене.

Я удивленно спрошу: «А мы не встречались?»

И ты мне ответишь: «Ну если только в поэме».

Этот пароль мгновенно разбудит спящих,
Мы сразу все вспомним, и станет невыносимо
От ощущения нас с тобой настоящих
И от потока времен, проносящихся мимо.

Спросишь меня: «А если не будет встречи?
Если судьба-злодейка нас раскидает?»
«Не бойся, родная, — отвечу, — с тобой мы навечно.
Это Москва, Камергерка и Савва тебе обещают».

Пролог

Индия. Дели. За месяц до описываемых событий

— Ты уверен, Садхир, что у нас получится? — испуганно спросила Лала в сотый раз.

Девушка, как верная собака, сидела на полу у его ног и с надеждой вглядывалась в любимого.

— Милая, — продолжал щелкать клавишами старенького ноутбука молодой человек, — должна быть история, интересная, романтическая, такая, чтоб за душу брала.

Садхир рос сиротой, но старший брат его отца, обеспеченный человек, не бросил племянника. Дядя отправил его в закрытую английскую школу, где молодому человеку дали образование, о котором мечтали бы многие мальчишки в Дели.

Когда же Садхир закончил обучение, дядя сказал, что теперь он должен пробиваться сам, и парень пошел по жизни, опираясь только на свои силы. Даже с хорошим образованием найти работу в многомиллионном Дели было крайне сложно. Он снимал маленькую комнату на чердаке старой многоэтажки и довольствовался тем, что посылал ему бог. Хватало на еду и одежду, а также чтобы платить аренду вредному хозяину комнат.

Но все изменилось, когда он встретил Лалу. Девушка пришла в театр, где Садхир подрабатывал сценаристом, и тот пропал, влюбился, забыв все на свете. Именно тогда сосед

по чердаку подсказал, как можно заработать деньги в Сети. Возможно, Садхир не стал бы этим заниматься, но Лала была из богатой семьи, и ему хотелось покорить ее сердце, а для этого требовались деньги.

На удивление, у него получилось с первого раза — помогли образование, знание психологии и его навыки написания сценариев. Он воспринимал это все, как только что написанный роман, и поэтому ему верили. Садхир не наглед и больших денег не требовал, но вчера все изменилось. Лала познакомила любимого с отцом, и тот, оглядев молодого человека строгим взглядом, вынес вердикт: если Садхир за месяц заработает на свадьбу, то он, так уж и быть, даст согласие.

— Смотри, любимая, — молодой человек спустился к ней на пол и поставил ноутбук на стул, — мы берем с тобой большой город. Вот какой бы ты хотела? Назови любой.

— Москва, — сказала Лала и покраснела. — Я всегда мечтала там побывать. Папа говорил, что это холодный и злой город, но мне по фото и видео так не кажется. Когда я смотрю фильмы про Москву, снятые русскими, она представляется как город-праздник, город-сюрприз.

— Замечательно, — согласился Садхир, — пусть будет Москва. Я пару раз работал с русскими, правда, с Санкт-Петербургом и Новосибирском, но Москва тоже хорошо.

— Я боюсь, тебя поймают. — Девушка закрыла лицо руками.

— Не переживай, — машинально погладил он ее по голо-

ве, — я это проделывал уже сто раз, русские женщины очень наивны. Главное в этом деле — подобрать правильного персонажа нашей истории. Вернее, не так: главное, чтобы это очень походило на правду, но с нотками авантюризма и романтики. И сейчас мы залезем с тобой в отдел кадров американского посольства в Москве.

— Это опасно? — спросила девушка.

Ей не хотелось видеть, что он делает, но и бросить любимого в столь щекотливом деле, как поиск денег на их свадьбу, Лала тоже не могла.

— Для меня это как зубы почистить, — засмеялся Садхир. — И это же не Пентагон, а всего лишь посольство в Москве.

— Но зачем так сложно? — не понимала Лала.

— Вот, смотри, какой милый молодой человек. Джон Тейлрон, менеджер по обеспечению жизнедеятельности посольства, — прочел Садхир, — тридцать лет, не женат. Берем? — спросил он шутя, но девушка не спешила улыбаться.

— А что романтического в его профессии? Он просто покупает чистящий порошок, смотрит, как убрались, и проводит ревизию швабр, — удивилась она такому выбору.

— Главное то, что он работает в американском посольстве, а у россиян странные отношения с этой страной: они то восхищаются американцами, то ненавидят, то хотят их всех спасти, — улыбнулся Садхир, словно вспомнив что-то.

— А ты откуда знаешь? — удивилась его знаниям о дале-

кой северной стране невеста.

— Я четыре года жил в одной комнате с двумя русскими. И, кстати, неплохо говорю на этом рычащем языке, — похвастался молодой человек.

— Серьезно? — удивилась Лала, открывая все больше талантов своего избранника.

— О, это удивительная история, — засмеялся Садхир. — Однозначно, русские — очень странная нация. Родители моих товарищей по комнате, живущие в Дели, отправили их в лучшую английскую школу нашей столицы, туда же, куда отправил меня учиться дядя. Они хотели, чтобы те научились говорить на английском языке, а получилось, что весь наш поток стал говорить по-русски. А у меня вообще не было вариантов, так как я жил с ними в одной комнате. Уже позже я попросил своего преподавателя отправить меня еще и на изучение русского языка наряду с английским и французским, потому как посчитал: зачем пропадать знаниям? Говорил я уже сносно, понимал вполне прилично, а вот писать пришлось учиться с нуля. Хотя нет, пару ругательных слов на русском я знал и умел их писать. Мои соседи по комнате любили оставлять ругательные записки. — Он вновь улыбнулся своим воспоминаниям.

— Ты у меня такой умный, — сказала Лала, заморожено глядя на жениха. — Как будет на этом языке «я люблю тебя»?

Садхир сказал сложные для восприятия слова, девушка

не удержалась и поцеловала любимого.

— Ну хорошо, у нас есть распорядитель пылесосов из американского посольства в Москве. Что дальше? — Казалось, Лала растаяла и поверила, что все получится.

— Теперь я создал его фейковый аккаунт в социальной сети, поместил фото нашего красавчика. Настоящие данные перенес из карточки в посольстве в описание профиля. А жених потенциальный у нас, оказывается, молодец, был скаутом, имеет диплом с отличием. Вот каких людей берут на работу в посольство, — усмехнулся Садхир. — Как бы самому не влюбиться, — проказливо подмигнул он невесте.

Та шутя толкнула его в бок.

Лала любовалась, как преображается лицо любимого, когда он чем-то занят.

— Теперь нам надо подобрать невесту. — Он снова уткнулся в экран. — Вот, смотри: подходящие ему по возрасту девушки. Очень молодым не надо писать, у них полно женихов, да и они верят, что все еще впереди. Нам нужна такая же правильная и умная, которая уже понимает, что последний вагон вот-вот умчится вдаль. Давай отберем потенциальных кандидаток, напишем нескольким: «Привет, у тебя волшебные глаза», — и ждем ответа. Я, конечно, делаю ошибки в словах, но это не страшно, ведь наш жених — американец и, скорее всего, тоже не знает русский на отлично.

— Но ведь папа назвал такую большую сумму, — вновь вспомнила причину всего происходящего Лала. — Найдется

ли такая у девушки? Наверное, она должна быть еще и богатой.

— Как говорили мои товарищи по комнате, перед русскими девушками лучше прикидываться не крутым мачо, а тонущим чудаком, у них в крови кого-то спасать. Ты даже не сомневайся, я придумаю такую легенду, что русская кровь вскипит от желания спасти бедного американца.

— Смотри, — вскрикнула Лала, — кто-то ответил!

— Ну-ка, кто у нас тут. Аврора Блябляс, двадцать восемь лет, менеджер банка, статус «В поиске». Ну здравствуй, Аврора, — улыбнулся Садхир, — добро пожаловать в сказку. Я напишу для тебя шикарную историю, которую ты будешь рассказывать своим детям. Но, уж прости, тебе придется за нее заплатить. Просто так ничего не бывает в этой жизни, за все надо платить, даже за полученные эмоции, пусть и ненастоящие.

Глава 1. Доча, ты индивид

«Доча, ты индивид», — промелькнули в голове слова матери. Это не было обидно, это была констатация факта, не более. Во многих случаях Аврора соглашалась с родительницей на все сто. Вот, например, как сейчас.

— Пожалуйста, мне вон тот смартфон, — сказала Ава, когда подошла ее очередь, — и сим-карту к нему.

— Могу вам предложить на выбор еще вот эти модели, — раскланялся перед покупательницей учтивый продавец.

— Нет, спасибо, — прервала поток знаний о телефонах Аврора. — Я знаю, что беру.

И она не обманывала, это был уже третий телефон за месяц. Поэтому она точно знала бюджетную модель, которую ей будет не жаль, когда она вновь ее потеряет. Почему-то Авроре хотелось думать, что виной потери смартфонов является собственная рассеянность, а не коварство людей. Так легче было переживать потерю. Потому как представить, что в ее телефоне теперь копаются другие люди, было выше сил.

На улице по-летнему припекало солнце. Сев на лавочку в ближайшем сквере, Аврора стала осваивать свое новое средство связи, распечатав и вставив симку.

«Доча, ты индивид», — скажет, ухмыльнувшись, мама, когда узнает, что у нее вновь вытащили из кармана телефон.

Аврора родилась в обеспеченной семье, где деньги, зара-

ботанные отцом, нещадно тратились матерью. К этому же процессу родительница пыталась приобщить и дочь, но Авроре всегда хотелось самостоятельности. Она никак не могла почувствовать себя взрослой, поэтому стремилась реализоваться, заработать свои финансы и жить отдельно.

Даже после того, как папы не стало, денег все равно было много, мама ни в чем себе не отказывала, а Аврора по-прежнему не принимала «родительскую милостыню», как она ее называла.

Хотя нет, две недели назад она все же попросила у мамы пять тысяч евро взаймы. Та дала, решив, что дочь одумалась и захотела жить на широкую ногу, ну или хотя бы купить себе скромный, по меркам матери, автомобиль. Но не тут-то было. Когда мама узнала, куда Ава потратила деньги, то, хоча в голос, сказала любимую фразу: «Доча, ты индивид» и тут же предложила выпить за упокой прекрасных пяти тысяч евро. Но праздновать тогда пришлось не только пропажу денег, но и то, что Аврора уволилась с работы, которую так долго искала. Ведь она верила, что уедет с любимым на край света и, спрятав его от всего мира, будет наслаждаться счастьем.

— Ты мне в следующий раз рассказывай про свои амурные дела, — говорила тогда мама, ничуть не злясь на дочку. — Хотя жалеть тут нечего, деньги небольшие, а твоя работа мне никогда не нравилась. Нет ничего скучнее, чем сидеть в банке и перебирать бумажки. Поэтому все, что ни делается,

к лучшему. Долой скучную работу!

Да, мама у нее была другой — яркой, красивой, а самое главное, легкой. Она легко сходилась с людьми, так же легко расставалась с ними, не тянув за собой шлейф сожаления, и в свои пятьдесят была эталоном для подражания.

— Привет, мам, это мой новый номер телефона, — сказала Аврора, сделав первый звонок своей родительнице, пока та не успела ее потерять.

Девушку крайне злило, что она, почти тридцатилетняя женщина, должна быть на постоянной связи с матерью, но согласиться было легче, чем спорить, она это по опыту знала.

— Дай угадаю, — засмеялась мать вместо приветствия, — у тебя снова украли телефон. Доча, ты индивид.

— Мам! — закричала Аврора так, что на соседней лавочке встрепенулся спавший под летним солнцем дед и постарался быстро ретироваться из парка. — Твои слова у меня уже как девиз на сердце высечены. Пожалей меня, пожалуйста. Я сижу в парке на скамье, у меня украли телефон, с утра прошла уже три собеседования, заработала себе огромные мозоли новыми туфлями — и никакого результата. Жизнь и так прошла по твоей дочери огромным трактором, сдержись хоть ты. Я еще не отошла от разочарований, которые мне подарила моя двадцать восьмая весна, дай хотя бы шанс моему лету.

— Вообще-то это я и хотела сделать, — обиженно сказала Аделия Блябляс, что было на нее не похоже.

Обычно она не опускалась до простых бабских обид.

— Ладно, прости, — стыдясь своего тона и того, что не сдержалась, повинилась Аврора. — Просто у меня сегодня был трудный день.

— Доченька, день только начинается, — мама тут же перестала дуться, — но вспомни, когда он у тебя был легким.

Аврора знала, что это риторический вопрос, и просто промолчала, обреченно ожидая продолжения маминого монолога.

— Правильно, — продолжила родительница, словно была уверена в значении молчания дочери, — ты этого уже даже вспомнить не можешь. А почему?

— Почему? — На этот раз Аврора решила помочь ей в повествовании, надеясь, что оно пойдет чуть быстрее и оттого скорее придет к своему логическому заключению.

— Потому что ты идешь не тем путем. Где-то в жизни ты свернула не на ту дорогу, — выдала мама новую версию жизни Авроры. — Понимаешь, ты ступила не на свой путь, потому как свой — он всегда легкий и радостный.

— Мам, если ты знаешь, где моя дорога, просто подскажи мне. Я так устала, что согласна уже на все. Я устала быть невезучей и постоянно получать тычки от жизни. Поэтому, если карта моих дорог у тебя в руках, просто ткни пальцем в нужном направлении.

— Ну наконец-то, — чувствовалось, мама удовлетворена тем, что услышала, — я ощущаю твое желание менять

свою жизнь. Доча, вспомни, ведь ты прекрасно пишешь стихи, возможно, твое призвание в этом.

— Мам, я наивный дилетант, каких сейчас в Сети тысячи. Ты хочешь, чтобы я присоединилась к ним? Стала одним из тех стихоплетов, что засоряют паблики в надежде на признание? Пожалуйста, можно я не буду строить из себя непризнанную Ахматову и продолжу искать нормальную работу?

— Хорошо, к этому мы еще вернемся, — на удивление легко согласилась родительница. — Я тут на днях ходила к одной гадалке...

— Ма-ма, — простонала в трубку Аврора.

— Ну а что, я же просто посоветоваться. Я постоянно думаю о твоей жизни, и, знаешь, одна голова хорошо, а две лучше.

— Ну тогда уж три, — вставила Аврора свои подсчеты. — Или ты совсем разочаровалась в дочери и уже решила не считать меня как полноценную голову?

— Не придирайся к словам, — перебила мама. — Так вот, она мне сказала, что сейчас для тебя самое главное — закрыть все свои гештальты.

— Беру слова обратно, твоя гадалка — просто психолог, который хочет чуть больше заработать. Потому как уважающая себя представительница потустороннего мира никогда не скажет такое слово, она просто обязана его презирать, — предположила Аврора.

— Она не старая бабуля в платочке, а образованная мо-

лодая женщина, у которой есть дар, — пояснила мама.

— Ну и в чем сейчас мои гештальты? Она случайно не уточнила? — спросила Аврора, не надеясь на конкретный ответ.

Но она ошиблась.

— Это, доча, знаю я: для начала тебе надо вернуть свои пять тысяч евро, — спокойно сказала мама.

— Что? — Аврора аж подпрыгнула на скамье.

— Да-да, ты не можешь себе представить, чего мне это стоило, но завтра после обеда мы отплываем с тобой на теплоходе.

— А при чем те злосчастные пять тысяч евро и твое желание прокатиться на железной посудине по реке? — не поняла Аврора.

— На нем поплывет и твой Джон Тейлрон, я его нашла и выследила. Ну не я, конечно, а частные детективы, что не имеет большого значения, потому как их оплачивала все же я. Вчера он купил путевку на теплоход «Агата Кристи». Вот там мы и проверим: ему правда угрожает разведка, или он просто аферист.

— Мам, он существует? — осторожно спросила Аврора, не зная, радоваться или плакать.

— Да, доча. Не знаю, на счастье или на горе, но Джон Тейлрон существует реально и действительно работает в посольстве США в Москве, как он тебе и писал. Более того, он даже выглядит так же, как на фото, что он выставил в социальной

сети. Сейчас сижу и рассматриваю папку с фотографиями, которые передали мне детективы, и сравниваю с фото из того аккаунта, что этот жук очень быстро удалил после того, как ты выслала ему деньги. Так вот, мой вердикт: это один и тот же человек.

— Да-да-да! — Аврора вскочила и, несмотря на мозоли, принялась танцевать вокруг лавочки. — Мама, он любит меня, я всегда знала! Просто он сейчас в беде и не хочет подставлять меня. — Но вдруг, поняв что-то, она остановилась и уже испуганно прошептала: — Мам, я могу подставить его своим появлением на теплоходе! Вдруг он под наблюдением, вдруг он на задании, а я все испорчу?

— Мы замаскируемся, — сказала родительница, — я все продумала. Дуй на проспект Сахарова, будем менять тебе внешность. Он видел лишь твою фотографию, и, если мы с тобой немного поправим главные акценты, что-то типа прически и макияжа, он тебя не узнает. Гарантирую.

— Мам, по-моему, ты преувеличиваешь, — засомневалась Аврора.

— Твой папа, когда пришел на наше второе свидание, не узнал меня в кафе и начал знакомиться заново. А я тогда всего-навсего надела парик на голову.

— А что тебя на парик-то потянуло? — на автомате спросила Аврора.

— Ну они тогда были в моде, вот я и решила выпендриться. Правда, надела не в цвет волос, а взяла у подруги черный

с мелкими кудрями.

Аврора первый раз за день улыбнулась, представив папу, пытающегося второй раз познакомиться с мамой.

— Еду, жди, — сказала она в трубку совсем другим голосом — голосом человека, решившегося на что-то важное.

Когда ничем не примечательная безработная двадцативосьмилетняя девушка встала и, немного прихрамывая от натертых мозолей, пошла к метро, за ней медленным шагом направился молодой человек в белых летних шортах, белой футболке и бейсболке с надписью «Чемпион». Он уже просмотрел украденный у нее телефон. Ничего особенного в нем не нашел, но выкидывать не стал. Возможно, придется покопаться лучше или отдать спецам. Странная особа, которая сначала плакала, потом танцевала, а после и вовсе пошла босиком к метро, сняв жмущие туфли, вызывала много вопросов. Нельзя было просто отмахнуться, нужно было отработать ее до конца.

Сон I

Москва, 1898 год

— Я родилась в красивую светлую ночь, 4 июля 1868 года, в прекрасном городе на Неве, — произнесла Мария Андре-

ева, глотнув вина из бокала, и кокетливо улыбнулась видному мужчине. — Но в моем детстве нет ничего интересного.

— Мария Федоровна, — сказал сидевший за столиком Савва Морозов, — вы лукавите, у вас очень интересная семья.

Мужчина был полноват, имел импозантную интеллигентную бородку и уверенность в своей мужской силе. Хотя присутствующим в ресторане людям было заметно, что очаровательная женщина, сидевшая напротив него, вводила мужчину в ступор, заставляя его голос дрожать.

— Мой отец, — удовлетворившись тем, как отреагировал поклонник, продолжила женщина, — главный режиссер Александрийского театра, мать — актриса. Я выросла в любви к искусству. В детстве с меня писали картины Крамской и трижды Репин, а великие актеры предрекали мне большое будущее на сцене. — Скромность Марии Андреевой была, конечно, напускной, она знала о своей красоте и пользовалась ею безмерно.

Кокетливо умолчала, что Репин не просто писал с нее портреты — она служила его музой. В пятнадцать лет грациозная барышня с балетной фигурой стала моделью Репина для донны Анны к иллюстрации «Каменного гостя» Пушкина. Поэтому Мария Андреева знала себе цену и пользовалась своей красотой сполна. Каждый раз это был некий ритуал — заставить мужчину восхищаться ей. Она не могла без этого, это был ее наркотик, ее главная энергетическая подпитка.

Вот и сейчас у нее появился новый поклонник. Ей может позавидовать любая театральная дива, да что там, любая женщина в России. Савва Тимофеевич Морозов был одним из самых богатых людей России. Его жена купалась в роскоши, устраивая торжественные приемы в своем особняке на Спиридоновке, — поговаривали, что Савва построил его для своей семьи по проекту Федора Шехтеля, а украшал особняк сам Михаил Врубель. На тех приемах бывали и знаменитости, и просто богатые люди. Светские рауты отличались кричащей роскошью, граничившей с безвкусицей. На них можно было встретить Мамонтова, Чехова, Боткина, Шаляпина. Кто бывал на балу у Зинаиды Морозовой, говорил, что еще никогда не видел такой роскоши и красоты. А однажды эта выскочка вообще заставила позавидовать ей самую великую княгиню Ксению Александровну, придя на прием с букетом такой красоты, что превосходила даже царские, потому как и садовники у Морозовых были самые лучшие в России.

И вот человек, так любящий свою жену, — к слову, отбивший ее у племянника, влюбившись в красавицу, прямо на их свадьбе, — сейчас у ног актрисы Московского художественного театра Марии Андреевой. Это очень льстило женщине, но было непонятно, нужен ли ей этот человек, нравится ли он ей как мужчина, или же Мария просто захватила его как трофей, которым можно хвастаться, выставя напоказ.

Она не страдала от того, что поклонник женат, потому как сама до сих пор была замужем. Правда, в отличие от Саввы

Морозова, который сохранял видимость любви и верности супруге, она четыре года назад, сразу после рождения второго ребенка, договорилась со своим немолодым уже мужем о том, что они просто друзья. Семья теперь существовала лишь номинально, для того чтобы дети росли в любви обоих родителей.

— А вы, Савва? Как вы пришли в театр? — спросила Андреева своего поклонника.

— Вы знаете, Мария, я просто счастлив, что недавно случай занес меня на первый спектакль художественного театра «Царь Иван Федорович» по пьесе Алексея Толстого. Испытал тогда такое потрясение, что стал самым горячим сторонником театра.

Мария слушала его с интересом, потому как все, что связано с театром, было для нее главной и единственной темой в жизни, на которую она могла разговаривать часами. Конечно, в последнее время к этому прибавилась борьба за свободу и равенство. После того как Мария прошлым летом познакомилась в Женеве с Лениным и стала рьяной поклонницей РСДРП, более того, сподвижницей, собирающей для партии деньги, идея равенства людей горела в ней постоянно. Но все же театр был превыше всего, театр был ее святилищем, ее храмом.

— Именно тогда мне очень захотелось, чтобы такое искусство было доступно всем, — продолжал Савва Морозов. — Потому-то мы с нашими общими друзьями Костей Стани-

славским и Володей Немировичем-Данченко создали предприятие, названное Московским художественным театром. Я стараюсь жертвовать театру деньги постоянно, чтобы билеты впредь были доступны всем.

— Мне очень нравится ваш подход к этому делу, — сказала Мария, строя глазки мужчине. Она умела и любила это делать. — Театр — это то, что дает людям надежду, — рассуждала она не напоказ, а от души. — Нет, он не может ничего и никого изменить, но он может дать надежду людям на то, что добро обязательно победит зло, надежду на то, что хороших людей все же больше; на справедливость, в конце концов.

Слова и дела Саввы Морозова сочетались со второй страстью Марии Андреевой — борьбой за равенство людей. Женщина хоть и недавно примкнула к социал-демократам и прониклась идеями марксизма, но уже проповедовала их, как старый священник несет мысль своей пастве, — уверенно и непоколебимо, свято веря в то, что говорит. Актриса прочла «Капитал» Маркса и много других работ видных в этой сфере деятелей, и теперь эта идея горела в женщине не хуже театра. Но новому поклоннику о ней она пока решила не говорить, дабы не напугать мужчину своим, прямо скажем, спорным увлечением.

— Вы не только очень красивы, — сказал Савва, завороченно любуясь женщиной, — не только талантливая актриса, но вы еще и неестественно умная для своей внешности

женщина. Я восхищаюсь вами, Мария, — искренне произнес Савва.

— Спасибо. — Мария приняла комплимент как должное, перестав кривляться и на миг став самой собой. — Знаете, о чем я мечтаю? — спросила она Савву.

— О чем? — улыбнулся он, понимая, что это и есть то, зачем они встретились в этом ресторане.

Сейчас она назовет свою цену, а Савва — человек, который мог все. Без преувеличений, Савва Морозов мог добиться любой цели, поэтому он не сомневался, что покорит эту женщину, сколько бы ему это ни стоило.

— Я мечтаю, чтобы у МХТ была своя сцена. Свой собственный дом, куда люди приходили бы, чтобы смотреть и надеяться. Чтобы рядом с рабочим вашей фабрики сидели дворяне, потому что искусство должно быть для всех, оно должно объединять людей, не деля их на сословия. Театр — как воздух. Мы же не делим воздух для богатых и бедных, вот и здесь этого делать нельзя.

— Я куплю землю и построю здание для МХТ в самом лучшем месте Москвы, — серьезно сказал Савва, еще больше влюбляясь в эту невероятную женщину, потому как она попросила не золото и бриллианты, а искусство для всех, чем покорила его с головой. — Обещаю вам. А наши потомки будут ходить туда, даже не подозревая, что его построил один не очень молодой человек, влюбленный в самую красивую женщину на свете.

Савве Морозову было на тот момент тридцать шесть лет, и именно в эту секунду его жизнь начала обратный отсчет.

Глава 2. Собака откладывается

— Я с тобой расстаюсь, — холодно сказала Лелька в телефонную трубку, но Евгению не стало страшно от ее слов.

Она так говорила постоянно и никогда не выполняла свою угрозу.

Ну не мог он поехать в их запланированный отпуск! Потому что дело, которым он занимался, принимало неожиданный оборот и требовало срочной командировки. Нет, конечно, он мог бы послать кого-то другого, но это было его собственное дело, в которое почему-то не верил никто, и если оно вдруг выстрелит, то Евгений Бабушка может получить должность начальника специального отдела ФСБ.

Его непосредственный начальник по большому секрету поделился информацией, что и он вот-вот пойдет на повышение, даже начал потихоньку собирать вещи из стола для переезда в другой кабинет — получше и покомфортнее. Но для того чтобы сесть в освобождающееся кресло, Евгений должен был сделать что-то значительное, и вот это его никому не интересное дело было очень кстати. А то, что, глядя на него, начальство со скепсисом качало головой: мол, тупик это, Женька, пустышка, — так это мелочи, победителей не судят. Главное — победить.

В отделе получили информацию, что человек, недавно назначенный главой технической службы посольства США, че-

ресчур хотел в Москву и предпринял массу усилий для того, чтобы попасть именно туда. Чтобы не спугнуть, за ним наблюдали, но так, не слишком назойливо, потому как, если это большая птица, он быстро все поймет и превратится в спящего. Отслеживали только дальние перемещения. И вот, в первый раз за пятьдесят дней своей работы, он собрался в путешествие, купив путевку на теплоход «Агата Кристи». Женькино чутье подсказывало, что началось движение, что через него они и выйдут на главного, того, кто за деньги беспринципно и поэтапно продает Родину. Таких он презирал особо. Слово «Родина» для Женьки не было пустым звуком. Он родился в перестройку, а становление его прошло в страшные девяностые. Евгений никогда не забудет, как заплеван был их телевизор в маленькой квартире, и его каждый день приходилось протирать мокрой тряпкой. Ведь смотреть сериал «Элен и ребята», который начинался в шесть часов, как раз после новостей, было невозможно по причине загаженного экрана. В телевизор плевал отец. Плевал от безысходности, потому что не мог наблюдать, как разваливается его страна. Та страна, за которую его отец, Женькин дед, отдал жизнь, защищая ее от фашизма; страна, которой он всегда безмерно гордился и строил в ней светлое будущее, отдавая всего себя этому процессу, где-то даже жертвуя собой.

Женька не забудет и страданий отца, когда НАТО бомбило Белград. Тот, вытирая скупые мужские слезы, повторял: «Мы их не защитили, предали наших братьев-славян, бро-

сили их. Мы предатели». Маленькому мальчишке до мурашек было жалко своего отца, он подходил и гладил папу по голове, не зная, чем еще может помочь сильному здоровому мужику, который первый раз заплакал при сыне.

Лишь сейчас Женька понял, что тогда Россия сама была в шаге от пропасти и ничем не могла помочь братьям-славянам. Тогда наш президент, вступая в должность, прикладывал руку к груди и говорил: «Боже, храни Америку». И, видимо, Бог слушался его и хранил ту далекую страну, позволяя планомерно разваливать нашу.

Простые люди живут, смеются, работают, пьют по пятницам пиво в баре, не зная, что каждый день идет «Большая игра». Даже с развалом Советского Союза она не закончилась, продолжается по сей день и будет вестись, пока враги не развалят Россию на множество мелких стран, которые будут вести жалкое существование и не представлять для Запада никакой конкуренции, когда русские станут их рабами. Вот главная цель этой игры.

Именно со слез отца и его отчаянных плевков в телевизор началась Женькина дорога в профессию, именно тогда он пообещал себе, что всегда будет служить своей Родине. Чтобы не стыдились за нее старики, чтобы гордились ею дети, чтобы его страна не стала полигоном для экспериментов других держав, считающих себя выше остальных, так называемым «золотым миллиардом». Поэтому, если в его такой тонкой работе наметился хоть маленький прогресс, дело сто-

ило даже месяца с Лелькой у моря.

Возможно, конечно, что его подопечный, которого он так долго и тщательно разрабатывал, настаивая перед начальством на его двойной игре и связях в России, действительно мог просто поехать развеяться из жаркой Москвы, но контролировать его порыв все же необходимо. Объект не так часто куда-то отлучался, и это, возможно, прорыв в разработке. Если его проект выстрелит, то кресло начальника отдела ему обеспечено. И это не порыв карьериста, а желание хорошо делать свою работу и прививать подобное устремление другим людям.

Евгений помнил, что вылет их с Ольгой самолета был в обед из Шереметьево, там он и планировал помириться с любимой. Леля, видимо, окончательно обидевшись на своего жениха, вот уже второй день не брала трубку, поэтому он гнал по платной дороге М11 в аэропорт, стараясь успеть к вылету.

Его невеста была молодой и капризной девочкой. Разница в возрасте у них — целых восемь лет. Они познакомились полгода назад через общих друзей, и тридцатитрехлетний Евгений решил: вот оно. Хватит ходить холостяком, пора уже успокоиться и создать семью.

Имея привлекательную внешность, рыжие волосы и до невозможности обаятельную улыбку, Жуан, как называли его друзья, быстро соблазнил юную красавицу, но дальше начались сложности. Ольга требовала постоянного внимания,

а при его работе времени было очень мало. Девушка то обижалась, то разрывала отношения, но потом сама звонила и вновь мирилась с любимым. А неделю назад, когда Женька принес билеты в южную сторону с услугой «все включено», и вовсе растаяла и начала с нетерпением ждать путешествия.

Евгений планировал на берегу Черного моря под звук набегающих волн сделать красотке предложение, но все изменило сообщение оперативников: «объект» купил путевку и собрался провести выходные на теплоходе с прибытием в город Мышкин и обратно. Это был огромный прорыв в деле, когда казалось, нет уже ни одной ниточки, за которую можно потянуть. Начальство настаивало, что это пустой след, мол, парень просто хотел посмотреть Москву, и тут началось движение. Пусть это всего лишь маленькая вероятность, но Евгений знал, что иногда именно из маленькой вероятности вырастает большое разоблачение.

Ничего, сейчас он сделает предложение в аэропорту — Женька потрогал коробочку в кармане. К тридцати трем годам у него в активе был неудачный брак в ранней молодости, который продлился месяц, несколько серьезных отношений, закончившихся ничем, и огромное количество коротких и ни к чему не обязывающих увлечений. Но именно сейчас он почувствовал, что пора менять негативный опыт на позитивный, и Ольга, несмотря на свой юный возраст, привыкнет к его работе. Ему захотелось быть «как все», обзавестись семьей, завести собаку и домашние тапочки. Чтобы елка на

Новый год, а летом Черное море. Чтобы утром до работы детский крик и подгорелая яичница, а вечером — страх забрать ребенка из детского сада и бокал вина со второй половиной после отбоя отпрыска. А на сон грядущий прогулка с барбосом и разговор с ним по душам, так как жена устала и уже спит. Всего этого Женьке сильно хотелось. И наконец забрезжила надежда, что все возможно, что все у него будет как у всех, как говорила мама — по-человечески.

— Привет, — сказал Евгений в телефон, войдя в зал вылета. Он надеялся, что сам увидит свою девушку, но ее нигде не было. — Это Бабушка тебя беспокоит, — весело сказал он в трубку. — Ой-ой, очень смешно, ты же понимаешь, что я такие шутки — «Бабуля, ты что, звонишь с того света?» — слышу каждый день. Так что будь оригинален. Узнай мне, пожалуйста: Ольга Владимировна Иванова, летит в Сочи на дневном рейсе. Проходила уже в зону вылета?

Человек на другом конце помялся, но все же выяснил, что нет. Поэтому Женька, удовлетворившись, встал у досмотра при входе в зал вылета, чтобы не пропустить свою будущую жену.

От скуки молодой человек стал разглядывать спешащих пассажиров. Это было одним из самых любимых его занятий: понять, кто и чем занимается. В кафе за чашечкой кофе или вот как сейчас, в переполненном аэропорту, Женьке доставляло огромное удовольствие угадывать незнакомых людей. В детстве он даже придумал для этого название: рассек-

речивать. Позже на специальных курсах их учили по внешности и действиям незнакомого человека выяснять, кто он и что делает. И сейчас он мысленно, почти на автомате, стал производить эти привычные манипуляции.

«Вот пошла семья: возвращаются определенно с юга, скорее всего, турецкого. У главы семейства свойственный нашим мужикам красный загар, дочки все с мелко заплетенными косичками, а на голове у королевы ячейки общества шляпа с широкими полями. Наверняка приобрела ее на пляже у испуганного мигранта, с которым на ломаном английском долго торговалась. Нет, не жадничая, а так, для душевной радости. Конечно, даже в летнее время пляжная шляпа в Москве смотрелась глупо, но дама так не думала и потому гордо несла ее на своей голове. Ну, с этими все понятно, едут, скорее всего, в Пермь, хотя нет — сынишка с рюкзаком “Океан”, возможно, это Владивосток или другой город Дальнего Востока. Обычно в лагерь “Океан” ездят дети с того же региона. Дальше. Парень стоит один и ждет кого-то, молодой, очень переживает. Скорее всего, девушку. Хотя, может, и провожает. Нет, наоборот, он ждет кого-то, кто должен его проводить, потому что у парня на плече рюкзак, явно не только с ноутбуком. Там запросто поместятся несколько рубашек, футболок и пара шорт. Значит, тоже на юг. Лето, все едут на юг, а самые счастливые — уже оттуда».

Парень, видимо, заметив внимание Евгения, немного помявшись, подошел к нему.

— Вы не подскажите, здесь один выход на посадку? — спросил он.

— Да, — сказал Женька, оглядываясь вокруг, боясь пропустить Ляльку.

Семья, которая так ему понравилась, встала в очередь на вход в зону вылета и тихо ругалась. Жена, сняв наконец шляпу и вытерев рукавом потный лоб, высказывала мужу, как некультурно он себя ведет, чем в очередной раз позорит благородную женщину.

— Ждешь невесту? — от скуки и отчасти чтобы скоротать время, Женька решил поговорить с молодым человеком, который после своего вопроса не отошел, а продолжал переминаясь с ноги на ногу рядом.

— Да. — Тот почему-то обрадовался вопросу постороннего мужчины, словно ему очень хотелось поделиться с кем-то своей радостью. — Она чудесная, мы расстались некоторое время назад, но сейчас помирились и едем вместе отдыхать на юг.

— Зря, — не разделил его радости Женька и решил обменяться с младшим товарищем горьким опытом: — Знаешь пословицу: «В одну реку войти два раза нельзя»? Прости, друг, но проверено сто раз. Даже когда тебе кажется, что шанс есть, знай — его нет. От возвращений лишь горькая досада, так, как раньше, уже не будет. Мой тебе совет: развернись и беги, ищи себе другую девушку. Их множество, и, поверь, найдутся лучше, чем твоя возвращающаяся кара-

велла.

Тут Женька вдалеке увидел Ольгу. Девушка как всегда шла на огромных шпильках, которые предпочитала любой другой обуви, и оглядывалась, ища кого-то в толпе. Он обрадовался этому знаку: значит, она тоже ждет, что он придет, значит, любит, значит, все правильно он сделал, и на этой мысли инстинктивно потрогал карман, где лежало кольцо.

— Зря вы так, — уважительно сказал парень, о котором Евгений уже успел забыть, — вы просто ее не знаете, она особенная. Кстати, вон она идет. — И показал в сторону приближающейся Лельки. — Вон та, в розовом, — повторил он с придыханием. — Правда великолепна? — спросил счастливый до безумия молодой человек.

Секунд пятнадцать ушло на понимание факта, что речь идет именно о Ляльке, той самой, которой он принес кольцо в маленькой красной коробочке в форме сердца.

«Пятнадцать секунд многовато, Женька. Стареешь», — мелькнула в голове постыдная мысль.

Ольга остановилась передохнуть — устала, видимо, катить тяжелый чемодан, и Евгений выбрал вариант ретироваться. Счастливый конкурент, подбежав к его несостоявшейся невесте, на некоторое время закрыл Евгения, но все равно коридор был небольшим, и пройти мимо незамеченным было практически невозможно. Как майор ФСБ он дал себе один шанс из ста, что сможет это реализовать, и, чтобы хоть немного увеличить процент счастливого исхода де-

ла, стал оглядываться по сторонам.

Красивая шляпа с большими полями сейчас лежала на чемодане, а ее хозяйка была отвлечена тем, что с сосредоточенным видом раздавала билеты и документы своей семье для прохождения в зону вылета.

Стараясь не побеспокоить женщину и проверяя свои навыки, Евгений незаметно стянул головной убор с чемодана и напялил его себе на макушку, надеясь хоть как-то замаскироваться под широкополым соломенным чудом.

Быстро прошмыгнув мимо еще пять минут назад невесты, Женька вдруг понял, что ему стало легче, и удивился этому чувству. Оно было простым и каким-то верным, словно кто-то другой за него решил, и ему больше ничего не надо исправлять и думать. Не надо становиться как все, не надо заставлять себя быть счастливым по общему сценарию. Но насладиться этим чувством не получилось. Сзади послышался вопль:

— Держи воровку!

Он был настолько воинственным, что Евгений Бабушка сразу понял: этот призыв летит за шляпой — и даже немного испугался и прибавил шаг, надеясь все же успеть покинуть коридор. Но он недооценил русскую женщину, она не готова была терять трофей, приобретенный на турецком берегу в жестком торге с африканским мигрантом, и не положила на авось и своего мужа, что, в принципе, одно и то же. Дама со скоростью света, которая, казалось, была невозможна,

учитывая ее вес и комплекцию, догнала Евгения и, не доверяя одним словам, всем весом рухнула на майора. Поверженному мужчине померещилось, что кости его предательски хрустнули и шанса встать на ноги уже не будет.

— Сволочина крашенная, — сказала женщина уже не так рьяно и стянула с Евгения шляпу.

Женька хотел возмутиться, что это его натуральный цвет волос, но промолчал, еще не до конца потеряв надежду остаться незамеченным для бывшей невесты.

— Мужик, ты что, того? — увидев, что ошиблась в половой принадлежности вора, дама с сожалением взглянула на поверженного врага. — Ты из этих, что ли?

Было видно, как женщина пытается подобрать слова. Ничего, кроме неприличного, на ум не приходило, и она, не забывая, что все-таки леди, усиленно пыталась подыскать приемлемое. И вот когда ничего не нашлось и уже оскорбительное, по ее мнению, слово готово было слететь с губ, к ним подлетел супруг грозной дамы.

— Дорогая, ты не ударилась? — поинтересовался краснотлицый и заботливо оглядел сидящую на Евгении победительницу, не обратив никакого внимания на поверженного ею врага.

— Витя, ты только не бей его, — затараторила супруга, видимо, зная о вспыльчивости мужа. — Он этот, ну, которые как бабы. — Она все-таки нашла нужное определение, чтобы не ругаться при людях. — Наверное, не сдержался, увидев

такую красоту. — С этими словами она водрузила вернувшийся к ней трофей обратно себе на голову, так и не встав с Женьки.

Пока супруг Виктор от злости и ненависти еще больше наливался кровью, Жека поглядывал в сторону Лели, в душе все еще надеясь остаться незамеченным для девушки.

Почему? Он не мог ответить на этот вопрос сейчас, просто было стыдно и противно, мерзко и отвратительно. Не хотелось пустых и никому не нужных разговоров. Но больше всего, конечно, было стыда. Лежа на грязном полу аэропорта «Шереметьево», Женька поклялся никогда больше не заставлять себя остепениться и жить «как все». Видимо, не для него это «как все». Ну ведь не может у всех быть одинаково, как под копирку? Наверное, где-то между работой и гулянкой он все же пропустил свою любовь, ту, что была предназначена ему Богом. А может, и не было ее, ну не выделил Господь ему вторую половину, решив, что его задача — прожить эту жизнь для чего-то другого. Значит, не будет ни яичницы по утрам, ни бокала вина по вечерам, и детсад останется только в воспоминаниях из детства, с ненавистными комочками в каше. Не будет и задушевных разговоров с собакой, потому как одному Женьке ее не потянуть. Бедное животное будет скулить дома в одиночестве и мечтать о возвращении своего хозяина.

— Женя? — услышал он удивленный голос Лельки.

Конечно, чуда не случилось, и все, кто находился в ма-

леньком коридоре, ведущем на посадку, сейчас потянулись в сторону происшествия, встав в круг, как малышня в хоровод вокруг елки.

— Мадам, — Евгений понял, что разоблачен, и перестал прикидываться глухонемым, — ваша шляпа была великолепна, и я не удержался. Сейчас вы спасли заблудшую душу, которая из-за красоты вашего головного убора уже готова была переметнуться на темную сторону. Прошу, встаньте с меня. — Евгений поднялся с пола, помог встать ошарашенной женщине и галантно поцеловал ее пухлую руку.

— Ничего, — ответила не понимающая, что же все-таки происходит, дама, — я рада, что вы одумались.

— На будущее мой вам совет: не соблазняйте такой красотой неокрепшие души, будьте милосердны, в конце концов. — Женька погрозил ей пальцем и, словно закончив все свои дела, развернулся на каблуках красивых, начищенных до блеска туфель и гордо (по крайней мере, он на это очень надеялся) вышел из аэропорта. Все встало на свои места. У Женьки Бабушки по-прежнему главное в жизни — работа, и иначе, видимо, быть не может.

Он не слышал, как испуганная женщина, смяв и запихнув подальше бедную шляпу, сказала:

— Красота все-таки страшная сила. Как домой приедем, надо в церковь сходить, грех с души снять.

И не видел, как его не случившаяся невеста долго смотрит ему вслед, будто решает: выиграла она или проиграла.

Глава 3. Родители — наше все

«Вот почему так, — думала Лиза, — сначала мы не можем жить без родителей, очень скучаем и плачем, когда расстаемся с ними, но, когда вырастаем, их общество начинает нас тяготить, только и думаешь, как расстаться и, по возможности, надолго».

— Пап, ну что за тупость, почему я должна ехать с вами в это дурацкое путешествие? Я не хочу портить себе выходные. У меня уйма планов в Москве, и я не собираюсь менять их на скучное путешествие по реке и провинциальным городам. Даже если это юбилей твоей сестры тети Симы.

— Это не обсуждается, мы давно не проводили время вместе, — отец почему-то переживал, словно это действительно очень важно для него, — поэтому будь добра, удели три дня родителям. Мы не просим многого, всего одни выходные. Теплоход премиум-класса, там будет немного народу, и обслуживание на высшем уровне тебе понравится. А провинциальные, как ты говоришь, города имеют столько всего интересного, что ты будешь в полном восторге.

— Пап, мне не пять лет, чтобы на это вестись. Что они там имеют? — психанула Лиза. — Музей мышей в городе Мышкине и музей русской водки в Угличе. Лет десять назад я бы прыгала от восторга, но я выросла, папа, мне девятнадцать, и тебе пора это заметить.

— Ты пойми, доченька, мы сто лет не собирались, я не могу и не хочу отказывать Симе в день ее юбилея. — Похоже, отец поставил себе задачу уговорить Елизавету, и было видно, что не отступится.

— Что вы все пресмыкаетесь перед этой Симой? И ты, и мама. Если вы работаете на нее, это не значит, что вы рабы этой самодурки, — не сдержалась Лиза.

— Доченька, ты не права, мы приглашены не потому, что работаем на нее, а потому, что мы родственники, и это надо ценить. Сима даже тебе дала подработку, пока ты учишься в институте, надо уметь быть благодарным. Это то, чем отличаются воспитанные люди от невоспитанных, зря ты так, — на полном серьезе расстроился отец.

— Ну хорошо, тогда можно было бы найти попримечнее место для встречи, чем суденышко, плывущее по реке. — Лиза закатила глаза от возмущения.

— Котенок, — Яков Степанович сел рядом с дочерью и взял ее за руку, — ты вновь ошибаешься, это судно премиум-класса. Там всего шестнадцать кают, и все они уровня «пять звезд». — Услышав эту информацию, Лиза сморщилась, словно укусила лимон. — Ну хорошо, четыре звезды, — сдался отец. — Солнышко, я редко тебя о чем-то прошу, но сейчас мне необходима твоя помощь. Я не могу тебе все рассказать, прости, но это очень важно. Сима заказала тебе отдельную каюту, и ты можешь просто провести выходные за чтением какой-нибудь новой книги или просмотром зани-

матерного фильма, выходя только на совместный ужин. — Отец уже не знал, чем ее купить.

В комнату вошла мама. Она, как всегда, не имела своего мнения и просто молча слушала ссору мужа и дочери. Чем старше становилась Лиза, тем больше не понимала и не любила свою маму, как бы страшно это ни звучало. Женщина была все равно что безмолвное приложение к мужу. В детстве девочке было жалко мать, она представляла, что та знает что-то такое, чего не знают другие, становясь загадочной и молчаливой принцессой. Когда Лиза подросла, то уже не понимала, как отец, такой яркий и красивый мужчина, может жить с этой амебой, у которой был вовсе не загадочный ореол, а просто меланхолический характер и скучный внутренний мир. Мать красила волосы в ярко-рыжий цвет, одевалась, словно ей восемьдесят, и уже давно не интересовалась жизнью Лизы. Как будто после достижения совершеннолетия дочь стала ей неинтересна, а она сама как мать выполнила свою миссию и больше ничего ей не должна.

Мама всегда находилась в каком-то своем мире, не пуская туда ни мужа, ни дочь, но, если быть до конца откровенной, Лиза туда и не рвалась. Ей больше импонировал мир отца — яркий и насыщенный, со своим всегда твердым мнением и прекрасным чувством юмора. В свои девятнадцать девушка была почти уверена: у папы есть любовница, такая же броская и интересная, как он.

Иногда Лизе казалось, что она помнит маму другой, жи-

вой и веселой. К ней приходили воспоминания, как мама крепко обнимала маленькую дочь и от переполнявших ее чувств кружила вокруг себя; как красивая и счастливая мама улыбалась и смеялась громче папы, а книги Лизе читала по ролям. Причем «Федорино горе» у нее получалось веселее всего, и Елизавета постоянно просила перечитать именно это стихотворение Чуковского. Но мама ни капельки не злилась, причем в третий раз она читала даже веселее, чем в первый, и тем смешила дочь. Но сейчас Лизе казалось, что это был всего лишь сон, счастливый сон, который она выдумала сама, и этого счастья с ней никогда не было, и мамы такой тоже никогда не было. А была вот такая, отстраненная и холодная, словно внутри у нее пустота.

— Ну хорошо, — сказала Лиза. — Но ты, папа, будешь должен мне одно желание.

Когда удовлетворенный ответом отец вышел из комнаты, Лиза написала в мессенджере сообщение: «Теплоход “Агата Кристи”, на этих выходных. Вот и посмотрим, на что ты готов ради меня».

Сон II

Москва, осень 1902 года

Он был счастлив, в первый раз в жизни его душа была наполнена любовью сполна, и Савва Морозов купался в ней, как мальчишка. Даже когда он, человек, родившийся в старообрядческой семье, женился на разведенной женщине наперекор матери, счастья ему это не принесло. Как не принесло счастья рождение, в общем-то, любимых детей. Савва все равно чувствовал себя одиноким, и это щемящее чувство грызло его постоянно, вызывая приступы меланхолии и депрессии. Но после встречи с актрисой Марией Андреевой весь его мир наполнился тем, чего ему так не хватало, — любовью.

Жена слышала сплетни о его увлечении, но молчала, зная характер мужа. Помня, как он не послушал никого, когда женился на ней самой, как переступил через устои семьи, она понимала: не отступит и сейчас. Боялась, что, если она подтолкнет мужа своим возмущением, он пойдет на любой самый неприглядный для общества поступок.

Глупая курица! Савва давно бы ушел к этой невероятной женщине, просто та этого не хотела сама. Она как Жар-пти-

да пленила его своей красотой и талантом, но не давалась в руки. Это понятно, такие женщины не должны никому принадлежать. Женщины-жар-птицы — это мечта, ради которой мужчины ломают свои судьбы, но так и не достигают цели. Женщины-амазонки, которыми можно лишь восхищаться и которым нужно поклоняться. Ради нее предприниматель и меценат, один из самых богатых людей страны, готов был на все: развестись, жениться, луну с неба достать. Да что там, спонсировать идеи марксизма, которыми эта невероятная женщина была просто восхищена и даже несколько болела ими. Ради нее он был готов на все.

Савва лично курировал строительство здания для театра МХТ, чтобы его королева блистала на шикарной сцене. Театр домовладельца Лианознова в Камергерском переулке был выкуплен и перестроен на деньги Саввы Морозова. Архитектором был его друг Федор Шехтель, который даже отказался обсуждать оплату, делая все исключительно из расположения к Савве. Он же и придумал эскиз занавеса с эмблемой — летящей над волнами чайкой.

Как талантливо играла Мария в «Чайке», чудесном спектакле его друга Антона Чехова, как же она была очаровательна! На сцене просто нет равных его примадонне, нет и не будет. Последние три года Савва был счастлив, как никогда в жизни. Но постоянно в душе сидела страшная тревога, давящая и отвратительная, и даже в самые счастливые моменты она не отпускала, только тихо скулила внутри, предрекая

беду.

Нынче пошла мода на ясновидящих и предсказателей судьбы. Савва же их всегда насмешливо называл факирами. Его жена Зинаида втайне от набожных родственников — ведь все родные Морозовых испокон веков были старообрядцами, кои могли и проклясть за это, — приглашала на свои вечеринки разных представителей этой, если так можно сказать, профессии, стараясь выглядеть модной хозяйкой. Приходили и чистые шарлатаны, и те, что могли удивить своей прозорливостью. Вот к одному такому мужчине, иностранцу средних лет, и пошел на днях Савва поспрашивать о тревоге, что жила в его сердце, не отпуская.

Долго и пристально смотрел на него хозяин дома, не моргая и не отводя глаз, так долго, что Савве стало неудобно.

— А вы в шар смотреть не будете? — спросил он, чтобы снять напряжение.

Савва видел этого мужчину на одном из вечеров в своем доме на Спиридоновке, на которых он, к слову сказать, бывать не любил. Вот там прилично одетый мужчина смотрел именно в шар и, немного коверкая русские слова, говорил забавные вещи: о летающих к другим планетам кораблях и возможности в будущем носить телефон в кармане. Жена Саввы, женщина, падкая на все мистическое, очень удивилась, когда Савва спросил про факира, и, поправив его, сказала, что граф Монисье никакой не факир, а проводник в другой мир. Что дар ему дан Богом, а подтвержден всем

высшим обществом Москвы. Да, Зинаида причисляла себя к тому высшему обществу, которое, несмотря на богатство Морозовых, никогда не примет их в свой круг. Савва это понимал отчетливо и жалел глупую женщину, которая верила, что все иначе.

— Шар — это для забавы, — мужчина вздохнул, — я и так все вижу. Смерть тебя караулит, ходит кругами и руки потирает, а придет она через женщину, красивую женщину. Да ты чувствуешь это, душа плачет каждый раз, когда ты рядом с ней.

— Я люблю ее, — сказал Савва и поразился сам себе.

Как он, богатый человек, знающий себе цену, так просто заявил об этом какому-то незнакомому иностранцу, мгновенно поверив, что тот знает про него что-то такое, в чем сам Савва боялся себе признаться.

— Не откажешься сейчас — прямая дорога на тот свет, — сказал мужчина буднично, точно говорил о плохой погоде.

— Я не смогу, — тихо прошептал Савва, думая, что иностранец не услышит его признания в слабости.

Савва был увлекающимся мужчиной. Когда в нем вскипала страсть, владелец огромного состояния, фабрик, заводов и меценат уже ничего не мог с собой поделать.

Этот разговор он постоянно прокручивал в голове, словно пытаюсь увидеть нестыковки и убедить себя в том, что человек, предрекший его смерть, — шарлатан. Вот и сейчас в ожидании Марии иностранец вспомнился ему, и мурашки

пробежали по коже.

В руках у Саввы был подарок, он приготовил его своей возлюбленной в честь премьеры. С сюрпризом было труднее, чем выбрать место под строительство театра.

Что подарить женщине-жар-птице, женщине-амазонке? Простыми украшениями такую даму не удивить. Савва уже подарил ее всевозможными серьгами и браслетами, которые она принимала благосклонно, но без огромных восторгов. Нужен был особенный подарок, тот, что покорит ее, тот, что покажет, как Савва любит ее, искренне и безмерно, как Савва восхищается своей амазонкой.

Сейчас он, сидя в ее гримерке и ожидая, когда она придет с поклона, очень переживал, понравится ли подарок. Спектакли в новом здании проходили каждый раз при полном аншлаге, и публика долго не отпускала артистов, стараясь отблагодарить их аплодисментами.

— Савва! — захохотала она, увидев, что он, как цепной пес, верно ждет ее у дверей. — Какая сегодня публика, какая публика! Нас полчаса не отпускали со сцены. Костя даже начал злиться, устав кланяться.

Костя, он же Константин Станиславский, тоже был другом Саввы, они владели театром вместе, на паях: один приносил деньги, а другой — новаторские идеи, коих не было еще в театрах России.

— Это тебе. — Савва без предисловий протянул любимой продолговатую коробочку.

Мария с любопытством взглянула и, открыв ее, произвольно охнула. Она была очень избалована подарками, поэтому удивить ее было трудно, но по реакции он понял, что удалось.

— Это морской кортик работы одного знаменитого португальского мастера Пауло Оливейро. Сие оружие было привезено специально в подарок Петру I. Русского царя он не впечатлил, тогда его советник и друг Александр Меншиков дал своему личному ювелиру задание украсить оружие поцарски, но мастер не успел, император скорпостижно скончался. После смерти своего покровителя Меншикову тоже было не до кортика, и тот невыкупленным так и лежал в семье ювелира долгие годы, пока его не увидел мой отец. Раньше никто этого не сделал, потому что ювелир требовал очень высокую цену за простой, как казалось людям, кортик. Ведь он добавил к нему лишь один камень на набалдашник рукояти, и это не производило большого впечатления на клиентов ювелира. Но тот искренне считал, что в оружии камни и украшения — не главное, и их излишеством можно лишь испортить клинок. — Савва был доволен ее реакцией. — Вот этот сапфир, который украшает навершие эфеса, имеет особую огранку. Мне хочется, чтобы у тебя даже оружие самозащиты было лучшим, — добавил он уже нежно и ласково.

Савва не стал говорить любимой, что тот самый сапфир откручивается, открывая тайник в рукояти кортика. Для того, что он спрятал туда, еще слишком рано, пусть пока оста-

нется тайной.

В каждой женщине сидит маленькая девочка, которая верит в принцев, драконов и высшие силы. Мария Андреева не была исключением, несмотря на статус, наличие двух детей и признание публики. Поэтому она радовалась кортику, как ребенок долгожданному подарку. Савва понял, что угадал и угодил своей возлюбленной. Теперь она оценит его любовь, и они всю жизнь будут вместе. Всю жизнь.

«Но чью жизнь?» — пронеслось в голове.

Савва сильно ошибался, труппа театра уже запланировала гастроли в Крым, а это означало, что уже ничего нельзя изменить.

Как позже напишет Булгаков, Аннушка уже разлила масло...

Этот сон был последним без боли, следующий уже будет рвать душу.

Глава 4. Теплоход, солнце и майор

Это лето в Москве было просто жгучим, словно ты не в столице находишься, а на солнечном юге. Правда, на юге такая погода переносится легче, потому как море и влажный воздух смягчают температурные рекорды. В столице же не помогали ни речка, ни ветерок, который, видимо, пытался облегчить людям жизнь. В Москве было невозможно дышать, не то что думать или передвигаться.

Евгений стоял на палубе небольшого теплохода премиум-класса и наблюдал за прибытием туристов. Он специально приехал пораньше, чтобы познакомиться со своими будущими товарищами — путешественниками в славный город Мышкин.

Вместе с Евгением сначала по каналу имени Москвы, а потом по Волге поплывут шестнадцать человек, не считая команды, конечно. На все времени было мало, но команду ребята его отдела пробили полностью, и она подозрений не вызвала, а вот туристов — только поверхностно. Во-первых, некоторые купили билеты на комфортабельный теплоход в последнюю минуту, а во-вторых, это были самые простые и заурядные жители России. Ни тебе работников оборонных заводов или глав администраций, или, на худой конец, полицейских либо военных, работающих с грифом «секретно». Все сплошь — среднестатистические российские граждане,

но Евгений знал, что это и есть самый подверженный влиянию Запада сектор населения. Сейчас вербовка уже не проводится, как в старые добрые времена, нет, все изменилось. Сейчас все решают социальные сети, интернет, и именно там идет промывка мозгов.

Сначала определяются лояльные люди, которые более предрасположены к воздействию. По их лайкам, да что там, даже по тому, на сколько секунд дольше человек задерживается на той или иной теме, делается вывод о его убеждениях и интересах. Потом уже идет массовая обработка в Сети нужным спамом, и если человек начинает на него должным образом реагировать, то он автоматически заносится в списки лояльных.

Когда же разрабатываемый становится нужен именно как персона, тогда в ход идет личная обработка персонажа — со знакомствами и разговорами. Это что касается так называемых «идейных», которые за демократию во всем мире, свободу слова и, по старой русской традиции, с ненавистью к родному государству. Их находят просто так, не привязывая к определенной сфере, и держат на ниточках идей как спящих, пока рядом с ними не появляется действительно нужный человек.

Так как эта работа на территории России ведется уже без малого тридцать лет, то и спящих по стране очень много. Иногда их используют как «мясо» для выхода на митинги и протесты, нужные кураторам, не заботясь, что будет с ними

дальше.

Да, с цифрой в вербовке стало работать легче, но не с передачей информации. Тут осталось все по старинке, потому как и Россия тоже стала страной хакеров, информация нигде, ни в одном почтовом ящике, не может быть в безопасности. Об этом знают все: и мы, и они. Поэтому в основном все пользуются старыми, почти дедовскими способами, как тот британский камень в московском сквере.

Пятнадцать лет назад... Женька тогда еще не работал в конторе, но ему рассказывали эту историю как референс, как инструкцию по обнаружению шпионов.

Началось все с малого: оперативники ФСБ заметили, что работники британского посольства гуляют по скверу, замедляя шаг всегда в одном и том же месте. Женька всегда поражался уму и чуйке оперативников, наблюдавших тогда за работниками посольства. Заметить чуть замедлившийся шаг — это было сильно, это был верх профессионализма. После чего именно за этим местом стали наблюдать тщательнее, разбирая детали. И вот наступил прекрасный день, когда один из работников посольства и вовсе остановился и, подобрал с земли камень, положил его в портфель. Через день он же, якобы выкидывая из дипломата ненужную вещь, небрежно вернул камушек на прежнее место. Уже потом оперативники выяснили, что тогда предмет сломался и его забирали чинить. Сначала же все подумали, что это обычная тайниковая операция, но это оказалось не так. Камень был специаль-

ным устройством, считывающим информацию. Сначала мимо него проходил завербованный человек с наладонником, а камень скачивал сведения, а потом с таким же наладонником проходил работник посольства и получал информацию себе на устройство. Проследив и выявив всех участников операции, этот камень с помпой, материалами видеосъемки и знаниями всех участников того процесса прикрыли.

Конечно, Женька на корабле в одиночестве вызвал бы если не подозрение, то вопросы. Мужчина, путешествующий один, как минимум странный мужчина. Поэтому коллега женского пола уже спешила к теплоходу, месту выполнения задания, но, как и все женщины, опаздывала. Женька раньше думал, что дам, служащих в особом отделе ФСБ, это не касается, но, видимо, уж такими создал Бог всех женщин без исключения.

В кармане зазвонил телефон, маленький и скучный, не имеющий даже выхода в интернет.

— Привет, Жуан — услышал он довольный голос коллеги. — Я его привел, встречай.

— Уже, — лениво ответил Евгений, как настоящий турист, разнежившийся на солнце.

— Может, зря ты решил не ставить прослушку? — посетовал голос в трубке. — Это облегчило бы нам работу.

— Ага, — так же лениво продолжал говорить Женька, — или вовсе бы ее исключило. Если он все же тот, про кого мы думаем, то первым делом, войдя в каюту, он проверит ее на

чистоту.

— Ну я бы мог выпросить у Михалыча последнюю Ю14,
— парировал собеседник.

Михалыч был электронным гением, он заведовал техническим отделом и всевозможными приборами — от простых и уже устаревших до новейших, о которых можно прочитать лишь в фантастических шпионских книжках. И Ю14, о которой говорил сейчас коллега, была из последних, жутко засекреченных и практически не обнаруживаемых камер. Но оперативники очень боялись с ней работать, потому как тот же Михалыч запугал всех, что это самый дорогой прибор в конторе, и, если с ним что случится, он заставит виновных продать почку.

— На каждую Ю14 есть свой детектор, а мы с тобой не знаем, птица какого полета перед нами. Не хочу его спугнуть,
— ответил Евгений, с верхней палубы наблюдая за приближением новой группы туристов к трапу теплохода.

— Знаешь, — в голосе коллеги был слышен незамаскированный скепсис, — ты слишком высокого мнения об этом властелине швабр. Этот недотепа изгваздался супом в кофейне, потом задумался и прошел на красный, едва не попав под машину, ну а потом, уже перед самым входом на причал, купил шоколадное мороженое, и теперь его белая футболка вся в характерных разводах. Похоже, твоя интуиция ошибается, и если бы я тебя не знал, присоединился бы к мнению остальных в группе, кто считает твой объект пустышкой.

— Вот поэтому ты до сих пор ждешь своего звания, а я займу должность начальника отдела. Джеймс Бонд только в голливудском кино красивый и накачанный супермен. В жизни эти Джеймсы изо всех сил стараются казаться тютями и неуклюжими святошами. Иногда они с этим перебарщивают, возможно, и в нашем случае именно такое положение вещей. Но недооценивать врага — это значит сразу ему проиграть. Знаешь, кто сказал? — спросил Женька коллегу.

— Дзержинский? — попытался угадать тот, зная, как любит его цитировать Евгений.

— Фу, — засмеялся Женька, — какие у тебя стереотипы! Как ты с таким мышлением в ФСБ-то попал? Евгений Александрович Бабушка сказал, твой непосредственный начальник и идейный вдохновитель. Ладно, все, мне больше некогда с тобой болтать, вижу нашего героя. Так что объект принял, будь на связи.

По трапу уже поднимался молодой человек, его футболка и правда была испачкана чем-то коричневым, но он не стеснялся этого, смотрел на жизнь уверенно и радостно, освещая все вокруг фирменной американской улыбкой.

Ничего необычного в мужчине не было. Да, иностранец, но очень дружелюбный и вполне социализированный в России. Евгений услышал, как тот поздоровался и поинтересовался у встречающих членов команды о времени отплытия теплохода, а также шутя пожаловался на жару. Эдакий заграничный чудак, долго живущий в России, ничего необычного.

Странным оказалось другое — то, как наблюдали за ним две женщины, стоявшие в очереди на посадку. Одна была брюнеткой с черными как смоль волосами, подстриженными под каре, и в огромных очках — образ, так сказать, был странен сам по себе. Вторая — несколько старше, очень дорого и со вкусом одетая дама средних лет. Именно она дужками своих очков показывала в сторону Женькиного объекта и, наклоняясь ближе к спутнице, что-то шептала той на ухо. Брюнетка очень нервничала и постоянно поправляла волосы — так, словно это был парик. Какой может быть парик в плюс тридцать пять, засомневался Евгений, но напротив данной парочки все же поставил вопросительный знак. Уж очень дамы были возбуждены.

Объект же, подхватив рюкзак, направился в свою каюту. Значит, пришла пора знакомиться.

Евгений все просчитал и сейчас поднимался по лестнице на верхнюю палубу прямо перед иностранцем. Лестница закручивалась спиралью и была неудобной, впрочем, как и на всех теплоходах такого типа. Поэтому не было странным то, что Женька запнулся на узких ступеньках и полетел вниз, как раз под ноги объекту.

— О боже! — с небольшим акцентом воскликнул парень в грязной футболке. — Вы не ушиблись?

Евгений, применив все свои актерские навыки, приобретенные в школьном театре, поморщился, потирая коленку, и позволил объекту помочь ему подняться на ноги.

— Спасибо, — вымученно улыбнулся своему спасителю.
— Было бы жалко начать выходные с перелома ноги, а не с путешествия, моя жена мне бы этого не простила.

— Очень неудобная лестница, — согласился мужчина, почему-то именно сейчас смутившись из-за своей грязной футболки, и попытался стряхнуть уже въевшиеся пятна. — Надо будет осторожно по ней ходить и сказать капитану, чтобы он повесил предупреждающее объявление. Это не по правилам, что перед таким опасным трапом нет предостерегающего знака.

— Спасибо, что помогли. — Женька протянул руку своему якобы спасителю. — Будем знакомы, меня зовут Дима.

Естественно, у Женьки на случай прямого контакта с объектом было официальное имя, подтвержденное документально. Даже паспорт на Дмитрия Сергеева имелся, новенький и вполне настоящий. Работал он с ним довольно редко, потому прикладывал массу усилий, чтобы не запутаться и не сказать свое настоящее имя. Вступить в прямой контакт — тоже была идея Женьки, которую, к счастью, поддержало и руководство, потому как теплоход — маленькое пространство, и, чтобы следить, нужно быть в кругу отдыхающих.

— Джон. — Парень несколько замялся.

Видимо, в его планы не входило знакомство с посторонними на корабле, поэтому, неуверенно пожав протянутую для приветствия Женькину руку, он продолжил поспешное шествие по круглой лестнице.

Ну что ж, знакомство состоялось удачно, но почему-то у майора ФСБ, уже матерого опера Евгения Бабушки нехорошо екнуло в желудке. А это был плохой знак, очень плохой.

Глава 5. Всем шампанского

В кают-компании на ужин были накрыты три больших круглых стола. Белые скатерти сияли чистотой, красивые красные салфетки, уложенные в бокалы одинаковыми, как братья-близнецы, пирамидами, делали столы праздничными, а столовые приборы блестели так, словно ждали сорок, чтобы те унесли их в свои гнезда.

За правым столом уже сидела именинница — тетя Серафима с молодым мужем Робертом и сыном Богданом, вечно депрессивным прыщавым подростком. Лизу даже передернуло от отвращения к своим родственникам. А когда притворно улыбающаяся Серафима начала приветственно махать рукой, пришлось сжать зубы, чтобы не показать раздражения. Спасала мысль, что она все же будет не одна в эти выходные и надо лишь немного потерпеть.

— А вот и наши любимые Сиротины пришли! — радостно завизжала тетя и кинулась обнимать всех поочередно.

Первым на правах старшего брата был, конечно, отец, но Лизе показалось, что даже он немного поморщился от натиска и лобзаний сестры. Сегодня она была какая-то особенно возбужденная. Мать, не изменив своего ничего не выражающего лица, просто добавила дежурную улыбку, даже не пытаясь скрыть брезгливости.

Когда с приветственными поцелуями было покончено и

все уселись за праздничный стол, Лиза огляделась. Сразу стало понятно, что, если они были знакомыми друг другу родственниками, то за соседними столами сидели чужие друг другу люди. Неловкость там можно было резать ножом, такой сильной и насыщенной она была. Теплоход уже несколько часов как отправился в путешествие, но это время пассажиры в основном провели в своих каютах, устраиваясь на новом месте. Лиза вообще заметила такую деталь: когда люди заселяются в гостиницы, кемпинги или другие помещения, где им предстоит прожить некоторое время, они «метят» территорию. Им надо немного привыкнуть к новому месту, сместить красиво лежащее полотенце, помять натянутое на кровать покрывало и, наконец, разложить вещи по номеру — в шкаф, на кресло, стол. Будто бы этими действиями они делают чужое место своим, обозначают, так сказать, свою территорию.

Их стол был самым густозаселенным, за ним уместились шесть человек, трое — это Лиза с родителями и трое из семейства тетушки Серафимы Жженовой. Это была фамилия ее первого мужа, которую она не меняла, а с нынешним мужем и вовсе ею поделилась. «Мы все должны носить одну фамилию: и я, и Богдан, и ты, — заявила тогда тетушка новоиспеченному мужу Роберту, как только они собрались расписаться. — Так как я поменять свою не могу — слишком много документов придется исправлять, то это сделаешь ты».

Так она показала своему мужу, который был на пятна-

дцать лет моложе ее, что тот, кто платит, того фамилию и носят. Хотя, женившись на владелице крупной фармацевтической компании, молодой никчемный бухгалтер не возражал и, казалось, только радовался всему, что с ним происходило. Он сразу бросил работу, увлекся конным спортом и гольфом, словом, стал наслаждаться новой, ранее ему не доступной жизнью богатея.

Тетя Серафима все заработала сама, ничего не получив от своих прежних браков. Она была женщиной сумасбродной, сильной и нагловатой, что позволяло ей добиваться успеха в мире мужчин и руководить бизнесом наравне с ними, но делало ее отвратительной для окружающих. Лиза тетю уважала, но не любила и даже насмеялась над ней, правда, исключительно в душе или, на худой конец, за спиной.

Тягомотина уже начинала раздражать, хотелось острых ощущений, но их она пообещала себе на вечер, а пока продолжала наблюдать. Их было шестеро за столом, по сути — чужие люди, но номинально они все же считались родственниками. Серафима слишком нарочито веселилась и налегала на шампанское, отмечая свои пятьдесят, зло подшучивала над относительно молодым мужем Робертом, который постоянно торчал в своем новеньком телефоне, переписываясь с кем-то, и даже не старался делать вид, что ему весело.

Богдан, пятнадцатилетний пацан с уймищей прыщей и комплексов, с ненавистью смотрел по сторонам, а особенно на своего отчима.

Папа ради родной сестры был единственным, кто поддерживал ее веселье, вспоминая их совместное детство.

Мама... Лиза снова прокрутила в голове ее разговор по телефону, подслушанный пять минут назад, и еще раз взглянула на эту незнакомую, как ей сейчас казалось, женщину. Красиво уложенные волосы ярко-рыжего цвета, голубое летнее платье, обтягивающее фигуру, которую мама сохранила к сорока пяти годам, и бездонное безразличие в глазах. Именно это безразличие когда-то оттолкнуло дочь от матери, но сейчас в свете случайно подслушанного разговора ей уже мнилось, что это не безразличие, а страх.

Лиза перед ужином пошла покурить и, найдя себе на корме укромное, по ее мнению, местечко, смачно затянулась.

— Я боюсь, — совсем рядом услышала она мамин голос и осторожно выглянула на боковую палубу. — Я устала. Я так устала от этого, — вновь сказала мама в телефон. — Обещай мне, что это последний раз. Обещай, иначе я за себя не отвечаю. — Видимо, собеседник убеждал ее, потому что мама долго молчала, но потом добавила: — Что я сделаю? Пойду в полицию и все расскажу. Я устала бояться. Пусть! — последнее слово мама почти прокричала, эмоционально сбросила звонок, чуть не выронив телефон из рук, и быстро направилась в каюту.

Лиза до сих пор не могла никак интерпретировать этот разговор. Хотя, возможно, просто не хотела. Поэтому и сейчас, выкинув из головы мысли о матери, стала рассматривать

соседние столы.

Оба, и правый, и левый, были накрыты на пятерых. Видимо, стандартная сервировка для данного путешествия, а для стола, за которым сидела Лиза, просто сделали исключение. Внимание девушки привлекла грузная престарелая особа с черными, почти гусарскими усами и голубыми тенями. Ее сморщенное лицо с чересчур ярким для дамы такого возраста макияжем имело выражение, будто она знает на этой планете все. Женщина была броско, но бедно одета — вещи, в которые она нарядилась к ужину, отпраздновали уже не один десяток лет.

«Откуда у нее, интересно, деньги на это путешествие?» — подумала Лиза и переключилась на ее соседку.

Насколько была уверенной, как ей показалось, девяностолетняя бабуля, настолько же растерянной выглядела ее сиделка. Лиза так и не решила, кем она является для раскрашенной, — возможно, дальней родственницей, но про себя все же назвала ее сиделкой. Девушке было лет двадцать пять, она была низкой, как говорят в народе, сбитой, с копной каштановых волос, заколотых на длинную спицу — заколку в японском или китайском стиле. Лиза в них особо не разбиралась, но заколка — единственное, что было красивого в наряде девушки. К примеру, шелковый шарфик на ее шее в тридцатиградусную жару выглядел комично. Рядом с престарелой дамой девица смотрелась простушкой, служанкой рядом со своей госпожой, даже несмотря на генеральские усы по-

следней.

Также за их столом сидел молодой человек лет тридцати пяти. Он был один, со своими соседями не общался и не отрывал взгляда от телефона, что-то усиленно там рассматривая. Выглядел он довольно странно: одинокий, молодой и безразличный ко всему происходящему, как будто его заставила прибыть на этот теплоход какая-то повинность. Лиза даже почувствовала в нем родную душу, которую принудили к такому времяпровождению, но тут же одернула себя: слишком прост он для такой, как она.

Другими соседями за тем столом была пара из тех, что постоянно милуются и по-юношески держатся за руки, хотя им перевалило за тридцать. Такие еще любят называть друг друга разными уменьшительно-ласкательными животными прозвищами, от мышек до тигрят.

Лиза понимала, почему эти любители сюсюкаться со своей второй половинкой делают это нарочито, на людях, чтобы все их видели. Она была уверена, что такой показухой они хотят прикрыть черные дыры в своих отношениях, измены и, возможно, даже домашнее насилие, но им важно продемонстрировать другим, что у них все хорошо. Словно, убедив окружающих, они убеждали и сами себя и начинали свято в это верить, называя друг друга «зая», «солнце мое» и прочими, как считала Лиза, мещанскими словечками. Рассмотреть третий стол она не успела, потому как на небольшую сцену вышел молодой человек, аниматор из команды теплохода, и,

начав говорить в микрофон, заставил всех замолчать и посмотреть в его сторону.

— Добрый день! Приветствую наших гостей на теплоходе «Агата Кристи». Меня зовут Герман, и все эти три дня я буду вас развлекать. Вы любите детективы? Уверен, любите, люди не могут их не любить. Ну а коли наш теплоход носит имя великого автора детективов, то и тур наш будет с этим уклоном. Мы придумали для вас настоящий квест, где в самых невероятных местах вы сможете найти следы преступлений и распутать не одну загадку. Постарайтесь распознать наши уловки и раскусить нас первыми. Сейчас же я предлагаю поднять бокалы с шампанским за начало нашего путешествия, — провозгласил ведущий, и девушка-официант внесла в зал поднос с шампанским.

Герман первым подхватил полный бокал и, пока девушка разносила напиток по столикам, залпом осушил его.

Люди оживились. Веселый ведущий, шампанское задарма и предвкушение интересного путешествия сделали свое дело, гости заулыбались окружающим какими-то особенными улыбками, выдающими их эйфорию. Даже Лиза позволила себе отпустить злость на отца и раздражительность на трещавшую все время тетку, а мысль, что путешествие будет не столь ужасным, согрела душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.